Л.М. Карнозова

Вопросы легализации и практической организации использования примирительных процедур в отечественной уголовной юстиции и в работе с правонарушениями несовершеннолетних

Доклад на научно-практическую конференцию Комитета гражданских инициатив «Проблемы и перспективы развития института медиации в России», Москва, 29.01.2016

В 2010 г. принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (№ 193-ФЗ от 27 июля 2010 г.). Закон определяет правовые условия применения медиации для урегулирования гражданских, трудовых и семейных споров, но не затрагивает сферы уголовного судопроизводства. Больше того, как правило, медиация считается адекватной в сфере частноправового регулирования, поэтому в любом случае ее применимость в уголовной юстиции (за исключением узкого круга дел частного обвинения) не очевидна. Однако все больше слышны голоса тех, кто выступает в пользу медиации по уголовным делам. И отечественный опыт, и наличие в российском уголовном законодательстве норм о благоприятных для обвиняемого последствиях примирения с потерпевшим и заглаживания вреда, и общие мировые тенденции, указывающие на возрастание роли медиации в сфере уголовной и ювенальной юстиции - все это свидетельствует об актуальности темы медиации в отечественной уголовно-правовой сфере.

В последней трети XX века в мире стали распространяться практики разрешения конфликтов, основанные на поиске консенсуса, в противовес традиционной конфронтации сторон. Модели разрешения конфликтов с помощью медиации в узком смысле либо с использованием местных традиций участия общины в разрешении споров и проблемных ситуаций стали проникать и в официальные системы уголовной юстиции. Такой подход к реагированию на уголовные преступления начал довольно интенсивно развиваться в разных странах мира примерно с конца 70-х годов XX века. Множество разнообразных течений, концепций и практик, базирующихся на идеях заглаживания вреда, диалога и примирения в 80-е – 90-е годы было объединено термином *restorative justice* (восстановительное правосудие), который используется и в международных документах. Сам термин «восстановительное правосудие» порой подвергается критике, но он уже живет собственной жизнью, символизируя новое правосудие, где «жертва и правонарушитель и, в соответствующих случаях, любые другие лица или члены общины, пострадавшие от какого-либо преступления, активно участвуют в совместном урегулировании вопросов, возникающих в

связи с преступлением, как правило, при помощи посредника»[1]. Это термин не процессуальный, он относится к парадигмам правосудия в сфере реагирования на преступления. Эта парадигма разворачивает уголовное правосудие от приоритета карательных санкций к иным ценностям и практикам: ресоциализации правонарушителей и исцелению жертв, к возвращению людям компетентности в решении собственных проблем. Ценности и практические ориентиры восстановительного правосудия - исцеление жертв преступлений, заглаживание вреда силами обидчиков, забота о будущем – решение проблем, приведших к преступлению, и проблем, возникших в результате преступления, участие в этом процессе ближайшего социального окружения.

Восстановительные альтернативы карательному правосудию формировались по образцу альтернативных способов урегулирования гражданских споров (АРС), основной формой здесь стала медиация между жертвой и правонарушителем. Однако по мере развития практики концепция восстановительного правосудия позволила сформулировать внятные отличия примирительных процедур между жертвой и правонарушителем (восстановительной медиации) от медиации из области АРС.

1. Восстановительное правосудие в России

Первой в России организацией, которая инициировала проведение программ восстановительного правосудия, т.е. медиации между жертвой и правонарушителем (потерпевшим и обвиняемым), а также теоретические и методические разработки в этой области, является Общественный центр «Судебно-правовая реформа» (1997 г.). Сегодня эта деятельность продолжается сообществом Всероссийской ассоциации восстановительной медиации (создана в 2009 г.), которая включает представителей около 20 российских регионов. Ассоциация представляет собой сообщество медиаторов, кураторов служб примирения и всех, кто развивает в России восстановительное правосудие. Ассоциацией приняты Стандарты восстановительной медиации, рекомендованные для проведения медиации на территории России в уголовной юстиции, системе образования, молодежной политики, социальной защиты и пр.[2]

[1] Резолюция ЭКОСОС E/2002/12 от 24 июля 2002 г. «Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия» (ООН) // http://www.un.org/ru/ecosoc/docs/2002/r2002-12.pdf

[2] Стандарты восстановительной медиации. http://sprc.ru

В стране идет интенсивный процесс освоения, реализации и развития восстановительных практик через *создание территориальных и школьных служб примирения.*

Эта работа началась с правосудия по делам в отношении несовершеннолетних. На базе действующего законодательства складывается практика применения медиации по уголовным делам, разработаны и реализованы организационно-правовые схемы использования примирительных процедур.[3] Медиация правонарушителя и потерпевшего (иногда ее называют программой по заглаживанию вреда, или программой восстановительного правосудия – в данном тексте эти понятия используются как синонимы) признается наиболее эффективной воспитательной реакцией на уголовные преступления и правонарушения несовершеннолетних.

Такое начинание имеет значение не только для прогресса в области детского правосудия. Поскольку *рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних в российском судопроизводстве происходит по общей процедуре, опыт использования медиации по таким делам демонстрирует принципиальную возможность ее применения и по делам взрослых обвиняемых.*

Еще одно направление распространения восстановительных процедур касается других типов ситуаций с участием несовершеннолетних – общественно опасных деяний детей, не достигших возраста уголовной ответственности, семейных и школьных конфликтов. По всем этим категориям случаев проводятся восстановительные программы (примирительные процедуры, основу которых составляют принципы восстановительного правосудия).

В ходе этого процесса создаются ассоциации специалистов, складываются местные модели межведомственного взаимодействия разных структур, работающих с несовершеннолетними и их семьями, куда включаются и службы примирения, развивается инструментарий восстановительных программ, разрабатываются методические пособия и учебные курсы, проводится подготовка ведущих программ восстановительного правосудия.

С 2010 г. в рамках ассоциации восстановительной медиации проводится ежегодный мониторинг деятельности служб примирения[4]. Согласно данным мониторинга, в 2014 году в 14 регионах действует 41 территориальная служба примирения (на базе учреждений системы образования, социальной

[3] Основная часть разработок представлена в открытом доступе на сайте Центра «Судебно-правовая реформа». См, например, сборники: Территориальные службы примирения: условия функционирования и организационное устройство / Сборник материалов / Сост. Л.М. Карнозова. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2015; Опыт работы Школьных служб примирения в России. Сборник материалов. / Составитель: А.Ю. Коновалов. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2014. http://sprc.ru

[4] Данные мониторинга см. на сайте http://sprc.ru

защиты, молодежной политики). Программы восстановительного правосудия проводятся по заявкам, переданным из судов, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП), из школ, а также по обращениям граждан. За 2014 год 121 специалистом 41 территориальной службы примирения начато 954 программы, из которых успешно завершено (например, договором сторон) 568. При этом 62 % успешно завершенных программ составляют программы по криминальным ситуациям (медиация правонарушителя и жертвы) – по преступлениям, а также общественно опасным деяниям несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, 22 % - сложные конфликты в образовательных учреждениях, 16 % - семейные конфликты[5]. В 19 регионах России действуют и активно проводят восстановительные программы 630 школьных служб примирения. В них работают 962 взрослых медиатора и куратора службы примирения и 1797 медиаторов-школьников. За 2014 год школьные службы примирения в России провели 3063 восстановительные программы.

Важнейшим стратегическим ориентиром развития Центра «Судебно-правовая реформа» является деятельность по инициированию формирования и поддержке сообществ специалистов (ассоциаций), реализующих восстановительный подход к правонарушениям и конфликтам с участием несовершеннолетних, в том числе в работе с детьми и семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации. В таких ассоциациях представители различных ведомств и некоммерческих организаций встречаются для обсуждения теории и практики восстановительного правосудия, что создает основу для подлинного межведомственного взаимодействия. Создаваемые ассоциации, несущие ценность переговорного процесса и взаимопонимания, могут стать средой, способствующей диалогу в обществе[6].

Важной особенностью мониторинга является то, что он включает как совокупность количественных параметров деятельности служб примирения, так и качественный анализ. В рамках качественного анализа основное место занимает описание и анализ проведенных программ (медиаций) с точки зрения их *соответствия ценностям и целям восстановительного*

[5] Следует отметить, что этим мониторингом охвачены только службы, сотрудничающие со Всероссийской ассоциацией, поэтому приведенные данные не претендуют на общероссийскую статистику.

[6] В настоящее время учреждены следующие региональные ассоциации: Ассоциация кураторов служб примирения и медиаторов г. Москвы; Волгоградское региональное отделение Всероссийской Ассоциации восстановительной медиации; Ассоциация медиаторов Пермского края; Региональная ассоциация медиаторов Новосибирска; Ассоциация детских служб примирения Самарской области; Тюменская региональная ассоциация восстановительного правосудия; Ассоциация медиаторов Кировской области; Ассоциация кураторов служб примирения и медиаторов Чувашии; Вологодская региональная ассоциация восстановительной медиации; Ассоциация медиаторов Татарстана; Ассоциация медиаторов Архангельской области; Кузбасская ассоциация медиации и восстановительных практик. Контактные данные см. на сайте http://sprc.ru/?page_id=890

правосудия. Это одна из форм, благодаря которой *сообщество специалистов поддерживает парадигму восстановительной медиации.*

2. Контекст существования и институционального строительства медиации по уголовным делам и медиации в работе с правонарушениями несовершеннолетних: противоречивые тенденции

Практика восстановительного правосудия в России, как и в большинстве стран, начиналась с общественных проектов в сфере правосудия по делам несовершеннолетних на базе действующего законодательства. Благоприятными условиями для того, чтобы такая работа стала возможной в конце 90-х годов, было, во-первых, появление в УК РФ нормы о возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам публичного и частно-публичного обвинения (ст. 76 УК РФ) и, во-вторых, развернувшиеся процессы по приведению отечественного правосудия по делам несовершеннолетних в соответствие с международными стандартами в области ювенальной юстиции.

Экспериментальные площадки были организованы там, где находились энтузиасты. Однако в отсутствие специального законодательства распространение новых форм работы с несовершеннолетними правонарушителями было затруднительным. Отсюда вытекала и вторая проблема: неналаженность механизмов закрепления и институционализации, устойчивость практики на той или иной территории зависела и до сих пор зависит от людей, наделенных достаточными полномочиями.

За прошедшие 17 лет появились и новые социальные и правовые реалии. Выделим несколько *сосуществующих разнонаправленных процессов*, которые образуют сложный контекст существования восстановительных практик в сфере работы с несовершеннолетними и развития медиации и иных примирительных процедур по уголовных делам в целом.

1. **Закон о медиации**. С принятием Закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (2010), в юридическом сообществе, с одной стороны, стал понятным и привычным термин «медиация», с другой - проведение программ восстановительного правосудия (медиации по уголовным делам) **стало более затруднительным**. Судьи на словах поддерживают такую работу с несовершеннолетними, но трактуют закон таким образом, что он, мол,

запрещает медиацию по уголовным делам (допуская ее разве что по делам частного обвинения)[7].

2. **Детское правосудие.** В 90-е – 2000-е годы в стране шел интенсивный процесс складывания базовых элементов ювенальной юстиции, и суды достаточно активно в него включились. К 2009 г. в судах 52 регионов применялись новые формы работы с несовершеннолетними, вступившими в конфликт с законом; такие формы получили обобщенное название «ювенальные технологии». Сюда относились и программы восстановительного правосудия. Однако к 2010 году термин «ювенальная юстиция» оказался негативным. Возникло и быстро активизировалось движение «против ювенальной юстиции». Произошла подмена понятий, «ювенальной юстицией» стала обозначаться деятельность социальных служб и органов опеки по изъятию детей из неблагополучных семей, а не работа с правонарушениями несовершеннолетних. Но изменить такое представление не удалось, новая ситуация привела к сворачиванию проектов по ювенальной юстиции и затуханию начинаний в этой области. Одновременно происходит естественный процесс смены действующих лиц, в частности, сменяются председатели судов, комиссий по делам несовершеннолетних и пр. и на место энтузиастов, которые активно участвовали в проектах по ювенальной юстиции и восстановительному правосудию, приходят люди индифферентные к этой теме. Медиация по уголовным делам или хотя бы программы восстановительного с несовершеннолетними правонарушителями законом не предписаны – и это в ряде мест послужило основанием для сворачивания работы.

3. **«Оптимизация» социальной сферы и сферы образования.** В учреждениях именно этих ведомств созданы, в основном, территориальные службы примирения. Это структуры (подразделения/специалисты разного рода центров), которые проводят программы восстановительного правосудия. «Оптимизация» фактически означает слияние учреждений, сокращение штатов, формализацию администрирования, и это во многом коснулось служб примирения. В частности, появилось более придирчивое отношение к уставам этих учреждений – их деятельность направлена на работу с несовершеннолетними, а целевой группой программ восстановительного правосудия с несовершеннолетним правонарушителями являются ведь и взрослые (потерпевшие). Кроме того, система образования (в рамках которой находятся многие центры по работе с несовершеннолетними) не считает «своим контингентом» детей, совершивших преступления (это *по другому ведомству*), и т.п. Идеология

[7] Есть и исключение: например, в Архангельской области проекты по восстановительному правосудию в работе несовершеннолетними начались при активном участии Архангельского областного суда в 2012 г.

системы профилактики на деле приводит к перманентному «совершенствованию» Закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (N 120-ФЗ от 24 июня 1999 г.), в рамках которого все более усиливается межведомственная разобщенность в работе с детьми и семьями. И проведение программ восстановительного правосудия оказывается вне официального функционала учреждений, где созданы службы примирения, что становится поводом для прекращения финансирования этой работы.

4. Одновременно **Всероссийская ассоциация восстановительной медиации** и **региональные ассоциации и специалисты** продолжают по возможности работать и развивать практику: проведение программ (процедур медиации) и их мониторинг, супервизии, конференции, семинары, разработка организационно-правовых документов, обучение, журнал «Вестник восстановительной юстиции», местные инициативы, издание книг.

5**. В области юриспруденции** растет число научных разработок в области медиации по уголовным делам (диссертации, статьи, книги), где содержатся предложения нормативного характера по медиации в сфере уголовного судопроизводства.

6. Пленумом Верховного Суда РФ разработан законопроект № 37 от 31 июля 2015 г., **направленный на дальнейшую гуманизацию и либерализацию уголовного законодательства** Российской Федерации, предусматривающий, в частности, расширение оснований освобождения от уголовной ответственности, а также декриминализацию ряда деяний и установление за них мер административной ответственности. В законопроекте не упоминается «медиация», однако само его содержание указывает на **заинтересованность судебной власти в использовании альтернатив уголовному преследованию** и задает дополнительный стимул для развития медиации по уголовным делам, а также по иным деяниям криминального характера, которые выведены за рамки уголовно-правового регулирования.

Все перечисленные процессы указывают на то, что назрела необходимость в легализации медиации как по уголовным делам в целом, так и в сфере работы с иными правонарушениями несовершеннолетних. Причем такая легализация имеет возможность опираться на имеющиеся модели, которые сформированы в ряде регионов, на методический и организационный инструментарий и на работающих в этой области специалистов.

7. 1 июня 2012 г. принята Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы. Раздел VI «Создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия» определяет **в качестве приоритетного направления восстановительное правосудие и для его реализации предписывает создание служб примирения.** Это важное событие, открывающее перспективы дальнейшего развития восстановительного правосудия и легализации новой практики.

8. Во исполнение приняты **документы по реализации этой Стратегии**. Утвержденным Правительством РФ документом под названием *«Концепция развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации» (от 30 июля 2014 г.* N 1430-р*) (далее – Концепция Правительства РФ)*[8] определены направления реализации Национальной стратегии действий в интересах детей и принят Межведомственный план комплексных мероприятий по реализации данной Концепции. Принятие этих документов привело к принципиальному изменению ситуации. Остановимся на этом подробнее, поскольку дальнейшие шаги в развитии медиации по уголовным делам и в сфере работы с правонарушениями несовершеннолетних теперь напрямую определяются этой новой ситуацией.

3. Реализация раздела VI Национальной стратегии действий в интересах детей в части приоритета восстановительного подхода и организации служб примирения

3.1. Концепция

Анализ Концепции Правительства РФ позволяет выделить три смысловых блока этого документа:

- идеология;
- основные понятия;
- организационный проект.

Идеологическая часть представляет собой набор лозунгов, квинтэссенция которых сводится к тому, что медиация станет панацеей для решения всех проблем детского и семейного неблагополучия, защиты прав и интересов детей и пр. Безусловно, такие обещания являются достаточно

[8] http://base.garant.ru/70708642/

вредными для развития дела медиации в России, поскольку представляют собой чистую утопию.

Понятийный аппарат (мы имеем в виду не только понятия из раздела Концепции «Основные понятия»), который используется в тексте для аргументации преимуществ медиации, по большей части взят из тезауруса медиации по разрешению гражданско-правовых споров и, соответственно, оказывается неадекватным рассматриваемой области, хотя использованы также максимы восстановительного правосудия, что привело к еще большей понятийной путанице.

Но, как указано в тексте Концепции Правительства РФ, главным пунктом этого документа, ради которого нужны были две предыдущие части, является план организации новой практики:

«Создание сети служб медиации является **центральным элементом Концепции** *(здесь и далее выделено мной. – Л.К.)* и основным условием ее успешной реализации. Именно работа этих служб в тесном взаимодействии со всеми органами и организациями, работающими с детьми и участвующими в воспитании и образовании детей, защите их прав и интересов, со всеми заинтересованными институтами гражданского общества должна обеспечить решение задач, указанных в разделе IV Концепции, и тем самым достичь поставленной цели, получить ожидаемые результаты…

Сеть служб медиации создается как **единая система, имеющая координацию и управление. По своей структуре сеть служб медиации представляет собой двухуровневую систему: на первом уровне находится головная организация системы - Федеральный центр медиации и развития восстановительного правосудия**, который является структурным подразделением федерального государственного бюджетного учреждения "Федеральный институт медиации", находящегося в ведении Министерства образования и науки Российской Федерации. В соответствии со статьей 27 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" образовательная организация самостоятельно формирует свою структуру, за исключением создания, реорганизации, переименования и ликвидации филиалов. В связи с этим финансовое обеспечение функционирования Федерального центра медиации и развития восстановительного правосудия осуществляется в пределах средств, предусмотренных на обеспечение реализации государственного задания; на втором уровне находятся службы медиации на региональном и местном уровнях…

Сеть служб медиации включает в себя службу медиации на федеральном уровне, на региональном и местном уровнях.

Служба медиации **на федеральном уровне** осуществляет следующие функции:

общая координация работы служб медиации;

координация работы по разработке и совершенствованию нормативно-правовой базы для развития медиации и восстановительного правосудия с государственными органами, судами, образовательными организациями, исправительными учреждениями, комиссиями по делам несовершеннолетних, иными организациями, институтами гражданского общества и общественными организациями;

методическая работа (разработка программ обучения и просветительских программ, новых методик и технологий практической работы);

научно-исследовательская, аналитическая и экспертная работа;

сертификация организаций, выполняющих роль служб медиации;

создание системы мониторинга и специального аудита **для постоянного контроля за уровнем работы сертифицированных организаций**, выполняющих роль служб медиации и восстановительного правосудия;

подготовка медиаторов-тренеров, методистов-тренеров, методистов для формирования служб школьной медиации в образовательных организациях, руководителей, кадрового состава служб медиации, проверка их квалификации…

Возможны несколько вариантов создания региональных служб медиации, их организационно-правовых форм, способов вхождения в систему сети служб медиации. …Там, где служба медиации является юридическим лицом, ее вхождение **в систему сети служб медиации осуществляется через сертификацию.**

Там, где служба медиации не является по форме собственности государственной или муниципальной службой, взаимодействие с федеральным государственным бюджетным учреждением "Федеральный институт медиации" может рассматриваться как государственно-частное партнерство»[9].

К моменту принятия Концепции Правительства РФ указанный Институт был создан, поэтому документ такого высокого уровня выступил в качестве обоснования способа финансирования этой новой организации. Ирония состоит в том, что «головная организация системы» не выросла из недр практики российского восстановительного правосудия, о которой говорилось выше, это структура «извне», ее «тесное взаимодействие» «со всеми заинтересованными институтами гражданского общества» оказалось не соответствующим реальному положению дел. А сообщество восстановительных практик было слишком занято содержательной работой и реальным формированием сети, и не озаботилось должным образом задачей разработки механизмов администрирования федерального масштаба, справедливо предполагая, что этом уровне для институционализации медиации в рассматриваемой сфере достаточно принятия актов программного характера и законодательства. Как видим, организационное решение, которое венчает Концепцию, предлагает иерархическую структуру руководства «сетью служб медиации», что автоматически превращает «сеть» в «пирамиду». Даже минимальная осведомленность в понятиях об управлении показывает, что это оксюморон. Медиация в гражданско-правовой сфере строится действительно по сетевому принципу, а вот в сфере работы с несовершеннолетними предлагается не соответствующая этой деятельности монополизация и формализация[10].

---

[9] Концепция развития до 2017 года сети служб медиации… http://base.garant.ru/70708642/

[10] Ср. «Медиация чужда бюрократизации как таковая - любая неизбежная в такой ситуации иерархизация для нее губительна, не говоря уже о дополнительных рисках коррупции и раздувании государственного аппарата» (*Головко Л.В.* Закон об имплементации примирительных процедур (медиации) в судопроизводство Республики Казахстан: имитация деятельности или первый шаг? - 6 марта 2010, Центр исследования правовой политики. Сноска12. http://www.zakon.kz/165232-zakon-ob-implementacii-primiritelnykh.html). См. также интервью Р. Максудова…

Однако документ принят, и Межведомственный план комплексных мероприятий по реализации Концепции Правительства[11] предусматривает направления работ, которые в приницпе могут способствовать адекватной институциолнализации восстановительных практик в работе с несовершеннолетними и стать важным шагом для легализации медиации по уголовным делам. Так что теперь вопрос в том, каким содержанием наполнить выполнение этого плана.

В следующих частях данного доклада мы коснемся раздела II Межведомственного плана, который называется «Организационно-правовое обеспечение деятельности по реализации Концепции».

3.2. Подготовка нормативных актов

В разделе II содержится один пункт № 6 - «Подготовка нормативных актов по вопросам восстановительного правосудия в отношении детей и эффективной интеграции сети служб медиации в систему защиты прав и интересов детей, в том числе нормативных правовых актов по внесению изменений в…» (далее перечислены законы, куда предполагается внесение поправок).

В соответствии с этим пунктом Министерством юстиции РФ начата работа по сбору предложений и проектов нормативных актов.

Анализируя ситуацию в предыдущих разделах доклада, мы показали, что нынешняя фаза развития восстановительных практик диктует настоятельную необходимость в законодательном установлении медиации по уголовным делам, а также иным правонарушениям несовершеннолетних. Однако, с нашей точки зрения, *разработка нормативных правовых актов должна начаться с формирования концептуальных положений*. Раздел Межведомственного плана называется «Организационно-правовое обеспечение деятельности по реализации Концепции», однако в нем отсутствует пункт, который должен предшествовать предложениям нормативного характера. Сначала следует определить правовой облик создаваемой системы. Текст Концепции Правительства РФ от 30 июля 2014 г. служит другой цели, поэтому она может быть лишь стимулом для такой работы. В ходе разработки организационно-правовой концепции следует представить и обсудить варианты будущей системы, а юридико-техническое обеспечение в виде конкретных законодательных конструкций должно разрабатываться после принятия того или иного варианта.

---

[11] Утвержденный поручением Заместителя Председателя Правительства РФ О.Ю. Голодец от 8 мая № ОГ-П4-3106

4. Предложения: вопросы, которые должны быть обсуждены в при разработке концепции организационно-правового обеспечения

Указанные ниже пункты будущей концепции *не исчерпывают* ее содержание, они представляют собой лишь минимальный перечень вопросов, ответы на которые должны быть проработаны в ходе этой работы.

1. Отличия медиации по уголовным делам от медиации по урегулированию частноправовых споров

Прежде всего, нужно уточнить, о *какой медиации идет речь*. Термин «медиация», как правило, ассоциируется с процедурой урегулирования частноправовых споров – это и в рамках отечественной правовой системы (Федеральный закон № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»), и в правовом тезаурусе в целом. Общепринятым термином АРС (альтернативные методы разрешения споров) обозначают именно такую практику, и медиация здесь занимает ключевое место. Конечно, медиация по уголовным делам возможна и проводится, но только в том случае, если под «медиацией» понимать использование *медиативного метода,* но с учетом той специфики, которая накладывается на его использование уголовно-правовым контекстом.

В правовых спорах между частными лицами исход спора может быть определен волей сторон. Стороны равны, они вообще могут не обращаться в официальные инстанции для разрешения спора, и медиация оказывается альтернативной формой. Однако в уголовных делах правовой спор – это спор *о виновности лица в совершении преступления*, спор, где одной стороной является государство, а другой – обвиняемый. Такой спор *не решается в медиации, он решается только судом*. Предметом программ восстановительного правосудия (медиации между правонарушителем и жертвой) вообще не является спор – в соответствии с Рекомендацией Комитета министров Совета Европы № R (99) 19 о медиации в уголовных делах «отправной точкой для проведения медиации, по общему правилу, должно служить признание обеими сторонами основных обстоятельств дела» (п. 14 Приложения к Рекомендации). Поэтому несмотря на то, что программы восстановительного правосудия основаны на медиативном методе, формулируется особый язык восстановительного правосудия.

Предметом медиации по уголовным делам является не спор о виновности, а заглаживание вреда, причиненного действиями правонарушителя, и решение других вопросов, связанных с компенсацией негативных последствий правонарушения и предупреждением подобных явлений в будущем. Программа (медиация между жертвой и правонарушителем) проводится только в случаях, если правонарушитель

признал факт своего участия в совершении правонарушения, вопрос о квалификации деяния решается в рамках юридической системы. А если правонарушителем является несовершеннолетний, то программа приобретает еще и воспитательный характер, и это тоже совсем не вписывается в привычные представления о медиации.

В программах восстановительного правосудия *стороны не равны в моральном отношении*, сторонами являются обвиняемый (подозреваемый) и потерпевший, либо осужденный и потерпевший – это зависит от стадии, на которой проводится программа. Обязанности по заглаживанию вреда возлагаются на правонарушителя. И ведущий программы (медиатор), оставаясь нейтральным, то есть, не занимая позиции ни одной из сторон, ведет процедуру с учетом понимания этого обстоятельства.

В юридическом смысле между правонарушителем и жертвой нет правоотношений – они опосредуются государственным органом (должностным лицом), наделенным властными полномочиями. Согласно Рекомендации № R (99) 19 «передача дела в службу медиации и придание результатам медиации юридического значения зависят от органов уголовной юстиции» (п. 9 Приложения к Рекомендации). Таким образом, сама возможность проведения программы восстановительного правосудия обеспечивается наличием *специальной процедуры направления случая*, а *окончательное решение* по существу дела принимает официальный орган, а не сами стороны. И в этом смысле медиация по уголовным делам *не является альтернативой* официальному движению дела, она - дополнительный элемент. Даже будучи полной альтернативой уголовному преследованию в тех странах, где она может быть применена до возбуждения уголовного дела, медиация по уголовным делам является официально закрепленной процедурой, и возможность ее проведения в конкретной ситуации определяется полицией или прокурором.

При использовании программ восстановительного правосудия по отношению к случаям *общественно опасных деяний несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности*, смысл их аналогичен смыслу программ по уголовным делам: предметом программы не является правовой спор, целью и предметом программы является вопрос о заглаживании вреда пострадавшему и о том, чтобы подобное не повторилось; стороны - не равные участники спора, а правонарушитель и пострадавший; процедура проводится по направлению официальной инстанции; окончательное решение по делу принимает официальный орган (в данном случае – комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав).

2. Понятийный аппарат

Путаница понятий относительно правового положения разных типов медиации ведет к дезориентации и при проведении самой медиации. Так что

понятийная адекватность важна не столько с точки зрения академической чистоты используемой терминологии, сколько имеет практическое значение.

Итак, отличия медиации по уголовным делам (и в целом по правонарушениям криминального характера) от медиации по урегулированию частноправовых споров касаются, прежде всего:

- положения в правовой системе;
- целей, предмета и природы процедуры;
- особенностей процедуры;
- особенностей нейтральности медиатора;
- юридической природы результата (достигнутого соглашения).

И эти особенности должны быть отражены в законодательстве.

С учетом довольно существенных отличий медиации по уголовным делам от медиации для урегулирования частноправовых споров следует *сформировать адекватный тезаурус* и в плане используемых наименований.

В частности, нужно определить *название процедуры*: например, «медиация», или «программа восстановительного правосудия», или «программа по заглаживанию вреда», «восстановительная медиация» и др. Важно учесть и то обстоятельство, что программы восстановительного правосудия в работе с несовершеннолетними (или в интересах несовершеннолетних) включают *не только медиацию*, используются и такие программы, как «семейные конференции» и «круги сообществ».

С этой точки зрения важно определить и *наименование специалиста*, проводящего восстановительные программы: будет ли это «медиатор» или, к примеру, «ведущий программ восстановительного правосудия» (так, к примеру, его называют в Пермском крае и отличают от медиаторов по другим категориям споров), или «специалист по восстановительному правосудию», или «специалист по восстановительным программам», возможно как-то еще. Соответственно, должен решаться вопрос о статусе и подготовке такого специалиста.

Возможно, имеет смысл остаться в рамках более привычной терминологии «медиация» и «медиатор», однако в любом случае медиация по уголовным делам повлечет необходимость другого набора понятий. К примеру, в Законе о медиации ст. 8 предусматривает перечень пунктов соглашения о проведении процедуры медиации. В пункте 1 соглашения должен быть указан, согласно Закону, предмет спора. Но, как мы говорили, для медиации по уголовным делам этот пункт (чаще всего) не имеет смысла. Но это довольно частный пример.

В разных странах для определения медиации по уголовным делам используется не только термин *mediation,* но и другие термины - *Täter-Opfer-Ausgleich (посредничество между правонарушителем и жертвой - Германия), Reparation (во Франции в правосудии для несовершеннолетних), Restorative Justice (широкое распространение в разных странах).* Так что

можно терминологически отделить программы восстановительного правосудия от медиации из области АРС.

Коль скоро речь идет о законодательном регулировании, важно определить и *наименования служб*. Развитие в России восстановительного правосудия привело к такому организационному оформлению практики как «службы примирения» - *территориальные* (где проводятся программы по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, по общественно опасным деяниям несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, по административным правонарушениям, семейным конфликтам, информация о которых поступает в КДН и ЗП, и пр.) и *школьные службы примирения.* В тексте Национальной стратегии действии в интересах детей до 2017 г. (от 1 июня 2012 г.) используется именно *эта терминология, поскольку она уже вошла в обиход*. И непонятно, зачем это менять. Однако в дальнейших документах произошла подмена термина, появились «службы медиации в целях реализации восстановительного правосудия», а термин «медиация» в соответствии с Законом № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. в юридическом сообществе прочно ассоциируется с медиацией для урегулирования частноправовых споров и невозможностью ее использования для разрешения конфликтов публично-правового характера.

3. Образ будущей системы

3.1. Когда мы выделили медиацию по уголовным делам (или более широко - по правонарушениям криминального характера) как особый тип медиации, важно определиться, будет ли разрабатываться законодательство для медиации *по уголовным делам в целом* либо *только по отношению к несовершеннолетним*, вступившим в конфликт с законом. От этого зависит то, в какие именно нормативные правовые акты будут вноситься изменения (и в какой части) и/или какие новые законы создаваться.

3.2. Если говорить *о медиации по уголовным делам*, то следует иметь в виду, что отечественное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство предусматривает благоприятные последствия для обвиняемого в случае примирения с потерпевшим и заглаживания причиненного его деянием вреда. Следовательно, медиацию нужно признать *одним из механизмов, за счет которого может происходить примирение сторон, и вводить соответствующее дополнение в УПК РФ*. В принципе, нет никакого запрета и сегодня использовать медиацию в этих целях (поэтому у нас и сложилась практика), однако вопрос уголовно-процессуальной регламентации важен для официального обеспечения направления случаев на примирительные процедуры, разъяснения сторонам права на примирительные процедуры и возможности обращения к медиации, приостановления производства по уголовному делу в связи проведением медиации, определения соответствующих сроков, использования

соглашений, достигнутых в медиации, при вынесении официальных решений по делу и др.

3.3. Использование программ восстановительного правосудия с участием несовершеннолетних, как определено в Национальной стратегии действий в интересах детей, в названии Концепции Правительства от 30 июля 2014 г. и Плане мероприятий, касается *не только несовершеннолетних, совершивших преступления,* но и совершивших общественно опасные деяния в случае недостижения ими возраста уголовной ответственности, а также совершения административных правонарушений. Следовательно, в любом случае законодательство о восстановительном правосудии должно касаться *системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.*

При этом важно иметь в виду, что учреждения этой системы, функционирование которой регулируется Федеральным законом № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», *не имеют никакого отношения к процессуальной фигуре потерпевшего по уголовным делам*, тем более, если таковыми являются взрослые, а также *к взрослым пострадавшим* от административных правонарушений и общественно опасных деяний детей, не достигших возраста уголовной ответственности. Соответственно, особая задача состоит в том, чтобы простроить правовые механизмы приглашения таких лиц к участию в программах. При этом следует помнить, что в медиации по криминальным правонарушениям несовершеннолетних потерпевший/пострадавший *не является «средством»* для ресоциализации правонарушителя. Восстановительные программы проводятся в интересах жертв и одновременно создают условия для реализации принципа ответственности у правонарушителя.

Важно сохранять принцип добровольности участия в программах, хотя первичная встреча правонарушителя (и его родителей) с ведущим программы восстановительного правосудия может происходить по направлению официальных инстанций[12].

3.4. При разработке нормативных правовых актов в области восстановительного правосудия важно также учесть *региональные нормативные акты*, на основании которых действуют сегодня территориальные службы примирения. В частности, в ряде регионов решены вопросы:

- об обеспечении организационных условий для создания служб примирения;

- об официальном направлении заявок на проведение программ восстановительного правосудия с несовершеннолетними обвиняемыми со

[12] В программах восстановительного правосудия предусмотрено, что сначала проводятся индивидуальные встречи медиатора с каждой из сторон по отдельности, а общая встреча проводится только при согласии каждого участника.

стадии предварительного расследования и со стадии судебного разбирательства уголовных дел, а также заявок по иным правонарушениям несовершеннолетних;

- о роли КДН и ЗП как координирующего органа в этом процессе;
- о форме и юридическом содержании примирительного договора, его отличии от медиативного соглашения,

и многие другие.

Следовательно, в ходе разработки концепции важно проанализировать соответствующие нормативные материалы[13].

3.5. В будущей концепции организационно-правового обеспечения важно также определить, *какие вопросы подлежат федеральному регулированию, какие региональному и что может быть определено на конкретных территориях*.

В регионах сегодня действуют разные организационно-правовые модели в зависимости от местных условий и ресурсов, и в дальнейшем важно сохранить это разнообразие, но на базе неких общих рамочных положений, обеспечивающих правовой статус и жизнеспособность новой практики.

3.6. В Национальной стратегии действий в интересах детей к числу важнейших принципов дружественного к ребенку правосудия отнесены приоритет восстановительного подхода и мер воспитательного воздействия. А в числе мер предусматривается:

- развитие сети служб примирения в целях реализации восстановительного правосудия;
- организация школьных служб примирения, нацеленных на разрешение конфликтов в образовательных учреждениях, профилактику правонарушений детей и подростков, улучшение отношений в образовательных учреждениях.

Школьные и территориальные службы примирения – это «сообщающиеся сосуды». Школьные службы примирения показывают себя как действенный механизм урегулирования конфликтов и профилактики противоправных и насильственных способов взаимодействия в детской среде. Такие службы ориентированы в том числе и на снижение уровня стигматизации несовершеннолетних в виде «постановки на учет» за в общем-то незначительные и порой случайные деяния, которая ведет к «приклеиванию ярлыков» и последующей детерминации негативных форм поведения несовершеннолетнего. В то же время требование Закона 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений

[13] См.: Территориальные службы примирения: условия функционирования и организационное устройство. Сборник материалов / Сост. Л.М. Карнозова. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2015. http://sprc.ru. В разделе III данного сборника помещены примеры региональных организационно-правовых документов, на основании которых действуют территориальные службы примирения в Пермском крае, Архангельской области и Республика Карелия. Но за последний год появилось немало нормативных материалов и в других регионах, что представляет большой интерес для общей работы по правовому обеспечению практики восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних.

несовершеннолетних» вынуждает администрацию школ сообщать в правоохранительную систему о случаях, которые успешно разрешаются в школьных службах примирения в рамках программ по заглаживанию вреда (медиации) и при отсутствии претензий со стороны пострадавшего. Законодательство, следовательно, должно откорректировать такое положение дел. В противном случае получается, что *юридические последствия от программ восстановительного правосудия в случае совершения преступлений более существенные (к примеру, прекращение уголовного дела за примирением сторон), чем по более простым ситуациям.*

3.7. К структурам, которые могут проводить программы восстановительного правосудия, должны относиться и социально ориентированные *некоммерческие организации, волонтеры и добровольцы*. Так что в рамках предстоящей работы нужно разработать нормативное правовое регулирование их взаимодействия с органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и судебной системой.

3.8. Важно установить, что для всех участников программы восстановительного правосудия являются *бесплатными*.

4. Некоторые предлагаемые нормативные конструкции

4.1. Медиация по уголовным делам не требует уголовно-процессуальной регламентации, однако *увязывание* медиации с официальными институтами, куда поступает информации о совершении деяния, может быть выстроена по-разному и включать процессуальные элементы. К примеру, направление на медиацию по деяниям, соответствующим ст. 76 УК (25 УПК), по которым возможно прекращение уголовного дела публичного обвинения в случаях примирения с потерпевшим и заглаживания вреда, может быть отнесено и к стадии возбуждения уголовного дела с фиксацией срока окончания примирительных процедур. И при положительном итоге медиации результатом этой стадии может стать *решение уполномоченного лица об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с примирением сторон*. Помимо заботы о сторонах криминального конфликта такого рода конструкция наилучшим образом соответствовала бы целям процессуальной экономии. Процедуру *направления на медиацию* – притом, что мы предлагаем ее проведение *до момента возбуждения уголовного дела*, - нельзя считать внепроцессуальной, поскольку она касается процессуальной стадии возбуждения уголовного дела. Можно возразить, что предлагаемая конструкция выглядит нереалистичной. Ведь несмотря на то, что ст. 25 УПК РФ предусматривает прекращение уголовного дела не только на судебной, но и на досудебной стадии, следователи и дознаватели прекращают дела весьма неохотно и вовсе не разъясняют сторонам право на примирение. Однако мы рассматриваем предлагаемую конструкцию как возможную при некоторой

совокупности условий. К примеру, такая конструкция может быть *пока предложена только по делам, в отношении несовершеннолетних (в рамке формирования правосудия, дружественного к ребенку),* но в перспективе могут быть рассмотрены возможности ее распространения и на уголовное судопроизводство в целом.

4.2. Давняя критика системы показателей оценки качества работы следователей, фактически препятствующей направлению дел на медиацию, мало изменила ситуацию. Несмотря на то, что ст. 25 УПК РФ гласит, что следователь (с согласия руководителя следственного органа) или дознаватель (с согласия прокурора) вправе прекратить уголовное дело в случаях, предусмотренных ст. 76 УК РФ, практика таких прекращений невелика. В то же время судебная система демонстрирует позитивное отношение к институту примирения. Но если ждать, пока окончится предварительное расследование и дело перейдет к стадии судебного разбирательства, проходит много времени. И конфликт сторон подогревается процедурой расследования (очными ставками, необходимостью защищаться и оправдываться обвиняемому и т.п.). Так что процедуру примирения, во-первых, следует приблизить к моменту совершения преступления, и, во-вторых, процедуре медиации нужно отводить больше времени (сегодня в отсутствие в российском законодательстве нормы о приостановлении рассмотрения уголовного дела в связи с проведением медиации на эту процедуру не отводится специального времени). Можно предположить, что передача дел на медиацию на стадии предварительного расследования станет более реалистичной, если *решение вопроса о прекращении уголовного дела по этому основанию* будет *полномочием суда.* В качестве образца может служить институт прекращения дел в отношении несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ), хотя это не является полной аналогией, поскольку ст. 427 предполагает назначение судом определенных принудительных мер. Предлагаемая нами *конструкция принятия судебного решения о возможности прекращения дела за примирением сторон на досудебной стадии* может оказаться на ближайшее время более реалистичной, чем изменение показателей работы следователей и, возможно, вызывающей меньше опасений относительно коррупциогенности прекращения дел за примирением на стадии предварительного расследования. Последнее обстоятельство немаловажно: здесь мы имеем в виду, что еще одним тормозом прекращения дел на стадии предварительного расследования является опасение следователей/дознавателей, что их обращение к руководителю следственного отдела /прокурору о даче согласия на прекращение дела по ст. 25 УПК РФ может вызвать подозрение во взяточничестве.

Смысл восстановительного правосудия не столько в том, чтобы в обществе существовали *альтернативны* публично-правовым способам

разрешения конфликтов, сколько в том, чтобы *официальные способы включали в себя возможность выбора.*

4.3. Предложенные в предыдущих пунктах конструкции не исключают *возможность медиации либо учета ее итогов также и на стадии судебного разбирательства*. Да и прекращение уголовного дела – не единственно возможное юридическое последствие медиации. Возможен также вариант, когда стороны (или сторона, которая прежде не соглашалась) пришли к пониманию важности проведения медиации (примирения) после того, как дело передано в суд. Недаром один из основных принципов медиации в уголовных делах гласит, что возможность такой процедуры должна быть обеспечена на любой стадии уголовного судопроизводства[14]. А кроме того с введением права суда на изменение категории преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15 УК РФ) появилась и новая возможность для прекращения дела за примирением сторон по итогам судебного разбирательства (или для несовершеннолетних - с применением принудительных мер воспитательного воздействия).

4.4. Еще одним существенным вопросом является определение *механизмов исполнения соглашений, достигнутых в медиации.* И здесь следует обратить внимание на различие *медиативного соглашения (по отечественному законодательству) и примирительного договора*. Речь идет, в первую очередь, о ситуациях, когда возможно применение ст. 25 УПК, стороны примирились и договорились о возмещении ущерба, но для этого обвиняемому требуется время. Можно наметить разные варианты таких механизмов. Документ, принятый сторонами – примирительный договор, или, если использовать терминологию Закона о медиации, медиативное соглашение, может быть, например, утвержден, в качестве мирового соглашения судом, что предполагает в случае необходимости инструменты принудительного исполнения. Однако такой вариант представляется нам неадекватным самой сути данного основания освобождения от уголовной ответственности. Как верно отмечает Н.Н. Апостолова, основной особенностью рассматриваемой альтернативной меры воздействия «является добровольное принятие и исполнение обязательств по возмещению, заглаживанию или компенсации причиненного преступлением вреда»[15]. В этом принципиальное отличие от мер, назначенных судом (в том числе, мер гражданско-правовой и административной ответственности), которые имеют принудительный механизм реализации. Соответственно, «неисполнение или ненадлежащее исполнение альтернативных уголовной ответственности мер может влечь только возобновление производства по уголовному делу и

[14] П. 4 основных принципов Рекомендации R (99) 19. Тот же принцип отражен в п. 6 приложений документа ООН «Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия, утвержденные Резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2002/12 от 24 июля 2002 г.».

[15] *Апостолова Н.Н.* Неотвратимость уголовной ответственности и дискреционные начала уголовного судопроизводства // Государство и право, 2011. № 4. С. 108.

решение вопроса об уголовной ответственности в общем порядке»[16]. Т.е. речь следует вести *об условном освобождении от уголовной ответственности*, где в качестве условия указывается, например, срок, не позже которого ущерб в денежной либо иной форме должен быть возмещен, вред заглажен или компенсирован. Другая возможность: *отсрочка в принятии окончательного решения* по делу с указанием такого срока.

Помимо различия «природы» принудительной и добровольной ответственности за преступление, необходимо также принимать во внимание изматывающий характер исполнительного производства, в случае если договор между сторонами утвержден в виде мирового соглашения, и тем более дополнительное обращение в суд, если примирительный договор не утвержден судебным решением и остается только медиативным соглашением[17]. Во всяком случае, во избежание повторной виктимизации потерпевшего в случае неисполнения примирительного договора со стороны лица, освобожденного от уголовной ответственности за примирением, необходимо предусмотреть *механизмы исполнения соглашения, не влекущие для потерпевшего дополнительных хлопот и судебных тяжб*. Здесь имеет смысл обратиться к зарубежному опыту. Анализируя практику вынесения процессуальных решений относительно применения альтернатив уголовному преследованию в европейских странах, Л.В. Головко отмечает, что наиболее типичными решениями являются такие, которые первоначально носят временный (условный) характер, но после выполнения обвиняемым (правонарушителем) предложенных прокурором действий, они обретают окончательную силу. Т.е. имеют место как бы две фазы освобождения от уголовного преследования. На первой фазе принимается принципиальное решение о применении альтернативы; оно остается временным, пока обвиняемый не исполнит свои обязательства. После исполнения обязательств наступает вторая фаза: здесь принимается окончательное решение об освобождении от уголовного преследования[18]. Конкретное процессуальное устройство различно в разных странах и для разных альтернатив. Но в целом, отмечает автор, «вполне корректной выглядит постановка вопроса о том, что для реститутивных альтернатив уголовному преследованию такая модель является наиболее логичной, и это во многом предопределяет ее повсеместное распространение»[19].

---

[16] *Апостолова Н.Н.* Указ. соч. 108-109. См. также *Головко Л.В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. – СПб.: Изд. «Юридический центр Пресс», 2002. С. 511.

[17] Так, по российскому Закону о медиации медиативное соглашение по спору, возникшему из гражданских правоотношений, достигнутое сторонами без его передачи на рассмотрение суда или третейского суда, представляет собой гражданско-правовую сделку (ст. 12). И в случае неисполнения соглашения, истец вынужден обращаться в суд – так что для него медиация из альтернативы превращается в новый повод для судебного иска.

[18] *Головко Л.В.* Указ. соч. С. 223 -224.

[19] *Головко Л.В.* Указ. соч. С. 224.

4.5. Обсуждение вопросов медиации как способа реагирования на преступления/правонарушения, где вред причинен конкретному лицу, ведет к необходимости разработки *общей правовой концепции реагирования на общественно опасные деяния*, в рамках которой нужно выстраивать дифференцированные конструкции ее реализации - в зависимости от степени тяжести деяния, статуса субъекта-правонарушителя и пр. Если, в перспективе, процедура медиации (хотя бы по делам в отношении несовершеннолетних и «малозначительным» преступлениям взрослых) будет предшествовать возбуждению уголовного дела и в случае ее успешного завершения дело возбуждаться не будет, мы получим *институт полной альтернативы уголовному преследованию.*

5. Поэтапность

Правовое нововведение такого рода не может сразу быть реализовано на всей территории страны. В России есть опыт поэтапного введения новых институтов, например суда присяжных. Но практика восстановительного правосудия имеет принципиальное отличие от любого процессуального института, поскольку программы восстановительного правосудия не только добровольны для сторон, но и осуществляются *не внутри уголовного процесса*, а рядом с ним, они принадлежат *инфраструктуре* уголовного процесса и более широкой практики работы с правонарушениями несовершеннолетних. Поэтому такая практика в большинстве стран начиналась не с законодательства, а «снизу», с проектов на местах, и лишь впоследствии получала законодательное оформление. Так же происходит и в России. И Национальная стратегия действий в интересах детей предусматривает «поэтапное введение дружественного к ребенку правосудия», а, следовательно, и восстановительного правосудия.

Законодательный процесс требует, помимо разработки самих нормативных предложений, серьезных согласований и является достаточно длительным. Накопленный же опыт позволяет продолжать и распространять формирующуюся практику, важно на федеральном уровне *поддерживать и развивать имеющийся региональный опыт.* С этой точки зрения наряду с законопроектной деятельностью федеральная поддержка региональному опыту может состоять в том, чтобы регионы (отдельные территории в регионах), где реализуются или предполагается реализовать восстановительные технологии в работе с несовершеннолетними, могли получить *статус экспериментальных площадок Минюста.* Это не вопрос сертификации, а вопрос наличия на территории заинтересованных субъектов (территориальные администрации, судебная система, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, центры по работе с несовершеннолетними и их семьями, школы или образовательные комплексы и пр.). Такой статус, с нашей точки зрения, позволит уже сейчас создать

легальную основу для организации служб примирения по проведению восстановительных программ с несовершеннолетними, вступившими в конфликт с законом. Это нужно, во-первых, для того, чтобы у органов следствия, дознания, у судов, подразделений по делам несовершеннолетних, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав была легальная основа для передачи заявок на проведение подобных программ в службы примирения. Поскольку создание служб примирения – это не только организационный вопрос создания структур и изыскания штатных единиц: это *налаживание процесса легальной передачи случаев для проведения восстановительных программ* и учета их результатов при принятии официальных решений по существу дела. Соответственно, во-вторых, такое положение даст возможность разного рода учреждениям по работе с несовершеннолетними официально ввести в свой функционал проведение программ восстановительного правосудия и включить *в перечень целевых групп взрослых потерпевших (и пострадавших от иных правонарушений несовершеннолетних)*. Сегодня это практически невозможно, поскольку целевым контингентом таких учреждений являются только несовершеннолетние (иногда – их семьи). Кроме того происходит повсеместная реорганизация («оптимизация») и сокращение финансирования системы социальной защиты и образования, где в основном созданы службы примирения, и всякая не предусмотренная уставами деятельность прекращается. Так что придание официального статуса могло бы служить реальной основой для сохранения и развития практики восстановительного правосудия, не дожидаясь новых законов.

* * *

На сегодняшний день Министерством юстиции собран довольно большой пакет законопроектных предложений во исполнение Межведомственного плана по реализации Концепции Правительства РФ от 30 июля 2014 г. И дальше эксперты будут уточнять понятия, технические детали и вносить правки. И наверняка правок будет много. Однако, на наш взгляд, чтобы корректировать собранные предложения, должна быть концептуальная ясность относительно выстраиваемой системы с точки зрения ее правового облика.

Мы обозначили лишь некоторые темы для *разработки концепции организационно-правового обеспечения* восстановительного правосудия в российской правовой системе. В ходе анализа данных мониторинга практики и имеющихся нормативных разработок наверняка появятся и другие вопросы и темы. Главное предложение состоит в том, что необходимо сформировать рабочую группу компетентных специалистов для разработки концепции и только после этого – проектов нормативных правовых актов. В эту группу должны войти члены рабочей группы Совета судей Российской Федерации по вопросам дружественного к ребенку правосудия, сотрудники Центра

«Судебно-правовая реформа» (Москва), специализирующегося на разработке теоретико-методического обеспечения практики восстановительного правосудия в России, Института государства и права РАН, где в течение многих лет ведутся разработки в этой области, Независимого экспертно-правового совета, члены Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, представители Всероссийской ассоциации восстановительной медиации из разных регионов, представители научной общественности, а также судейского сообщества и правоохранительных органов в первую очередь тех регионов, где реализуются восстановительные технологии в работе с несовершеннолетними (Пермский край, Архангельская область, Республика Карелия, Республика Чувашия, Волгоградская обл. и др.).

5. Дополнительное замечание

С учетом сказанного рассмотрим только одно законодательное предложение из массива предложений, которые пришли в рабочую группу Министерства юстиции:

Дополнить статью 76 Уголовного кодекса Российской Федерации частью 2 в следующей редакции: «По уголовному делу несовершеннолетнего, а равно некоторых лиц, указанных в статье 96 УК РФ, процедура примирения осуществляется с участием специалиста-медиатора».

С нашей точки зрения такая позиция является антиправовой, какие бы редакционные «улучшения» ни предлагались по ее усовершенствованию, поскольку вводится условие, *ухудшающее правовое положение сторон*. На сегодняшний день закон не оговаривает способы, которым может быть достигнуто примирение, а, следовательно, стороны могут прибегнуть к любым не запрещенным законом способам. Разработчиками же предложено *ограничение прав* несовершеннолетних и молодых людей в возрасте от 18 до 20 лет, при рассмотрении деяний которых могут быть применены положения главы 14 УК («Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних»), а также лиц, потерпевших от их преступлений. По задумке авторов этого предложения получается, что если стороны примирились сами, или посредником в процедуре примирения выступил не специалист из официально сертифицированной «сети служб медиации», а педагог, социальный работник, специалист по восстановительному правосудию из «другой сети», просто знакомый и пр., вред заглажен – это примирением не признается, а, следовательно, уголовное дело в отношении несовершеннолетнего по этому основанию прекращено быть не может. Тем самым одно это изменение формирует целую концепцию медиации по делам в отношении несовершеннолетних, все остальное – способ ее реализации. Эта концепция направлена на трудоустройство будущих сертифицированных

специалистов-медиаторов (и неважно как они будут именоваться) и полностью дискредитирует не только идею восстановительного правосудия, но и ведет к регрессу уже имеющегося отечественного законодательства в этой области.

Моя позиция такова, что *медиацию нужно признавать одним из механизмов*, за счет которого может происходить примирение сторон, это должно, следовательно, вводиться в УПК (напр. в ст. 25). К медиации стороны вправе обратиться, но это не должно означать, что примирение возможно только за счет этого механизма. И здесь не должно быть никакой дискриминации по возрасту или другим основаниям.

А если говорить о праве на медиацию, это должно касаться не только несовершеннолетних обвиняемых/подозреваемых, но и взрослых (и соответственно, потерпевших). А с учетом законопроекта, предложенного Верховным Судом (от 31.07. 2015), нужно гармонизировать разные направления, касающиеся правовых основ института примирения в России, а не латать законы. Разумеется, институциональную основу медиации по криминальным ситуациям можно вводить постепенно, и сначала обустраивать правовые возможности проведения медиации по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Но она, во-первых, не может быть единственной процедурой, при осуществлении которой признается примирение по этой категории дел, а, во-вторых, соответствующие положения в таком случае нужно вводить только в главу 50 УПК (Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних). Юридико-техническое решение проистекает из конкретных целей и концептуальных представлений.

Ведущий научный сотрудник
сектора уголовного права, криминологии и
проблем правосудия Института государства и права РАН,
канд. психол. наук, руководитель направления
«Программы восстановительного правосудия
по уголовным делам» Общественного центра
«Судебно-правовая реформа»

Л.М. Карнозова